

Когда Инь Чжили лично встретил делегацию в отеле, царившая среди китайских специалистов непринужденная атмосфера мгновенно сменилась строгой серьезностью.

Как-никак, перед ними стоял великий мастер мировой архитектуры. Когда большинство из присутствующих только учились говорить, Инь Чжили уже возводил свои первые шедевры.

В его присутствии даже пятидесятилетние опытные инженеры робели, словно вчерашние студенты, не смея нарушить правила приличия перед лицом столь почтенного мастера.

Они полагали, что великий архитектор прибыл сюда лишь ради Люй Фэна, не обращая внимания на остальных, служивших лишь фоном.

Однако Инь Чжили, обменявшись коротким приветствием с Люй Фэном, доброжелательно улыбнулся всем присутствующим:

— Вы проделали долгий путь и наверняка устали. В эти несколько дней я, старик, с удовольствием составлю вам компанию, побеседую с вами о зодчестве Китая и Великобритании. Завтра начнут прибывать участники тематического обмена. Если кто-то из зарубежных коллег допустит бестактность, прошу вас отнестись к этому с пониманием.

Его речь была окрашена знакомым, почти домашним выговором — этот мягкий акцент, балансирующий между путунхуа и южным диалектом, сразу стер невидимую преграду, сделав атмосферу удивительно теплой.

Оставив багаж в номерах и немного переведя дух, члены делегации собрались за обедом. Старейшина Инь Чжили сидел вместе с ними, ведя неспешный и приятный разговор за едой, который плавно перетек в послеобеденную беседу.

Люй Фэн неотлучно находился рядом с ним. Он не вел себя как гость, прибывший издалека, а привычно, в ладу с Инь Ицзяо, заботился о своем наставнике.

Куда сильнее инженеров из дорожного и мостостроительного филиалов волновались архитекторы — для них встреча с живой легендой была пределом мечтаний.

Они полностью завладели инициативой в разговоре, обсуждая всё подряд: от спроектированных Инь Чжили китайских зданий до его недавней триумфальной работы — отмеченного наградой Федерального здания.

Инь Чжили лишь с улыбкой качал головой:

— А мне самому гораздо больше нравится проект Пекинского центра Тяньфу. Или ваш аэропорт Хунху, вошедший в шорт-лист Международной архитектурной премии.

Он без труда перечислял ключевые проекты архитектурного филиала Государственного проектного института, тонко подмечая сильные стороны каждого. Живя в далекой Великобритании, этот старик помнил каждую вежу великого строительства на родине, знал историю каждого возведенного знакового сооружения. Когда же молодые коллеги заговорили о наблевших профессиональных трудностях, он парой мягких слов вскрыл суть их сомнений, разложив всё по полочкам.

Люй Фэн устроился рядом, бережно заваривая для него ароматный билочунь. Из Китая он привез лишь материалы по проекту моста Горы Чёрного Воробья да несколько видов свежего чая из родных краев — скромный гостинец для любимого наставника.

Беседа затянулась допоздна и утихла лишь к десяти часам вечера.

Инь Ицяо уложил уставшего дедушку спать и лишь тогда пошел проводить Люй Фэна до его комнаты.

— Дедушка сегодня просто сияет, — негромко заговорил Инь Ицяо. — Он так ждал, когда ты приедешь его навестить.

— Конечно, приезд коллег тоже его взбудрил. Ты же знаешь, как близко к сердцу он принимает всё, что строится на родине.

— Наверное, завтра утром он прибежит на форум ни свет ни заря, чтобы лично послушать ваши доклады о невероятных инженерных свершениях Китая.

Они шли по коридору, негромко переговариваясь, и в воздухе разлилось щемящее чувство, будто они вернулись на три года назад. Будто Люй Фэн никогда не уезжал из Англии, а их роман все еще был в самом разгаре.

Точно так же, как в те дни, когда Инь Ицяо провожал его до дома, а на следующее утро они, сонные и счастливые, вместе переступали порог архитектурного бюро «С. Е».

Но увы, мгновения сладкой ностальгии всегда мимолетны.

Инь Ицяо остановился у дверей номера Люй Фэна и повернулся к нему:

— Официальная программа рассчитана на двенадцать дней, но ближе к концу ассоциация устраивает для делегатов ознакомительные поездки по Великобритании. — Он помолчал, заглядывая Люй Фэну в глаза. — Не хочешь... съездить куда-нибудь только вдвоем?

В его тихом вопросе сквозило робкое, затаенное ожидание. В неверном вечернем свете сердце Люй Фэна пропустило удар, но он взял себя в руки и покачал головой:

— Нет, не хочу.

— Что ж, — Инь Ицзяо мягко улыбнулся, ничуть не удивленный отказом. — В таком случае я просто составлю тебе компанию в общей поездке.

Люй Фэн зашел в номер и прислонился к закрытой двери, до сих пор видя перед глазами этот всезнающий, теплый взгляд. Старший соученик будто заранее просчитал его реакцию и за секунду выстроил мостик для отступления. Неужели он совсем не сердится?

Он принял душ и лег в постель, но перед мысленным взором упрямо стояло мягкое, всепрощающее лицо Инь Ицзяо. Люй Фэн думал, что старший соученик будет глубоко разочарован: ведь они сегодня наконец-то вместе приехали к Публичной библиотеке Лита, а он так и не выдал из себя бурного восторга, которого от него наверняка ждали.

За те два с половиной года, что Люй Фэн провел дома, его мышление сделалось чисто хозяйским, хомячьим. Стоило ему увидеть что-то по-настоящему выдающееся, как в душе поднималось непреодолимое желание забрать это себе. Ему хотелось копить лучшие концепции, самые передовые архитектурные решения и бережно нести их своей стране. Да, шедевры зодчества остаются достоянием всего человечества независимо от того, где они стоят, но он раз за разом ловил себя на ревнивой мысли: «Как было бы здорово, если бы эту библиотеку построили у нас, в Китае».

Впрочем, жесткий график симпозиума быстро вымел из его головы любые посторонние мысли. Старинный замок-отель, который еще вчера дышал уединением и покоем, с раннего утра забурился, наполнившись гулом голосов и непрерывным шелканьем затворов.

У главного входа высился внушительный бренд-волл Королевского института британских архитекторов, на котором участники должны были оставить свои подписи.

Делегаты Государственного проектного института улаживали формальности на стойке регистрации, попутно перепроверя презентационные материалы. Люй Фэн шел следом за опытным руководством, ловя каждое слово и напутствие. Они понимали: за границей они представляют лицо своей страны.

Директор У Инци отвел Люй Фэна в сторону и негромко, но веско произнес:

— На какие бы каверзы ни пускались здешние архитекторы, бей их сухими цифрами. И не бойся раскрыть проектные показатели моста Горы Чёрного Воробья — в конце концов, во всем мире только мы способны воплотить в жизнь проект подобной сложности.

Да и, по правде говоря, только у них в нем была реальная, острая необходимость.

Люй Фэн послушно кивнул, хотя в его глазах промелькнуло недоумение:

— Директор У, но ведь мы здесь делимся творческими концепциями. Ландшафтные условия везде уникальны, да и западных архитекторов сухие расчеты обычно мало интересуют...

Однако У Инци проявил неожиданное упрямство:

— Нет, только цифры и факты! До меня доходили слухи, как в свое время ты уложил на лопатки Стивена Лайента. Я только что видел его в холле. Так что никаких лирических отступлений — засыпь их жесткими данными!

Люй Фэн внезапно уловил скрытую тревогу руководителя.

— Директор У, вы переживаете, что я скажу что-то не то, а западные журналисты выставят нас агрессивными выскочками?

У Инци на секунду замешкался, а затем со вздохом покачал головой:

— Дело не в твоих ошибках. Просто они переиначат любые твои слова так, как им выгодно для броских заголовков. На форуме полно репортеров, а зарубежные газетчики тормозов не знают.

Раз уж повлиять на пресловутую западную «свободу слова» они не могли, У Инци оставалось лишь требовать от своего спикера предельной беспристрастности.

Если Люй Фэн опрётся на точные расчеты, то как бы журналисты ни пытались переиначить его слова, железобетонные цифры останутся лучшим опровержением любой лжи.

Если же он, как в разговоре с Лайентом, начнет говорить о величии и уникальном пути Китая, соотечественники, конечно, оценят этот патриотический порыв. Но зарубежные репортеры, не знающие ни специфики КНР, ни тонкостей мостостроения, вряд ли проявят такое же чуткое понимание. Самым надежным щитом были холодные факты.

Долгожданный форум начался без лишних предисловий. Люй Фэн, выступавший от китайской делегации первым, открыл первый слайд презентации и сразу же вывел на экран три ключевых показателя проекта на горе Чёрного Воробья:

Высоту над уровнем моря.

Общую протяженность перехода.

Температурный режим в ущелье.

Зарубежные коллеги еще не успели толком настроиться на рабочий лад, а на них уже повеяло ледяным ветром с горных круч, разреженным воздухом и запредельной сложностью моста Горы Чёрного Воробья. Слушатели осознали: газетные заголовки ничуть не преувеличивали масштаб проекта.

Китай действительно вознамерился перешагнуть через бездну шириной в три километра на безумной, заоблачной высоте, построив самый высокий мост на планете!

Коллеги, помнившие прежнего Люй Фэна, теперь с трудом узнавали в этом хладнокровном докладчике старого знакомого. Впрочем, фантастические цифры, которые он приводил, поражали воображение не меньше, чем его внезапное превращение из утонченного архитектора в инженера-мостовика.

Западные специалисты ожидали услышать привычную, эмоционально окрашенную историю в духе: «Это далось нам колоссальным трудом, наши гениальные инженеры совершили невозможное».

Вместо этого их безжалостно засыпали терабайтами сухих данных. Каждое слово Люй Фэна словно транслировало одну простую мысль: «Видите эти горы? Так вот, китайская инженерия раздвигает границы реальности, и кроме нас с этим не справится никто».

Доклад Люй Фэна сопровождался непрекращающимся сверканием фотовспышек. Пока ушедшие в свои мысли архитекторы лихорадочно прикидывали техническую реализуемость столь дерзкого замысла, ошарашенные журналисты торопливо щелкали камерами, наперебой сливая сенсационные показатели в соцсети.

Едва Люй Фэн закончил презентацию, зал тут же взорвался вопросами. На все, даже самые заковыристые расспросы Люй Фэн отвечал четко и без запинки, подкрепляя свои доводы точными расчетами строительных ведомств и научно-исследовательских институтов.

Внезапно тишину зала прорезал негромкий, но отчетливый голос:

— Расчеты — это всего лишь расчеты. Как бы вы ни превозносили этот проект, я вижу в нем лишь грудку мертвого железобетона, бесцеремонно вторгающуюся в величие первозданной природы.

Говоривший держался подчеркнуто небрежно, его тон оставался ровным и неторопливым, однако объективы всех камер тут же нацелились на него. Это был Моранис Клим — знаменитый мостостроитель, завоевавший в этом году высшую международную награду в своей отрасли. В кругах Королевского института британских архитекторов он слыл самым непредсказуемым и стилистически гибким мастером.

Он мог перекинуть изящную арку через ревущую горную теснину или накрыть колоссальный стадион кровлей, тонкой и легкой, словно крыло бабочки. Но фанатичное стремление к

чистому искусству сделало его невероятно спесивым.

Не обращая внимания на недоуменные взгляды коллег, он ровным голосом добавил:

— Да и сам факт того, сумеете ли вы вообще довести это строительство до конца, пока под большим вопросом.

В зале воцарилась неловкая тишина. Большинство сидевших здесь специалистов были искренне поражены смелостью расчетов: сама идея проложить серпантинную эстакаду по неприступным скалам казалась на грани фантастики. Но эксцентричного Клим красивые эскизы не впечатляли.

Люй Фэн замер на трибуне под прицелом сотен выжидающих взглядов.

Он мог бы высокопарно заявить, что мост непременно будет построен, поскольку китайские технологии давно ушли вперед, оставив западные стандарты далеко позади.

Мог бы напомнить, что за проектом стоит мощнейший строительный комплекс страны, что само по себе гарантирует успех.

Но любые слова блекли перед сухими фактами. Он мог сколько угодно доказывать состоятельность расчетов на бумаге, но до тех пор, пока опоры не встанут в ущелье, скептики не умолкнут.

Помня наказ У Инци, он спокойно взглянул на оппонента и с мягкой улыбкой произнес:

— В таком случае мы будем искренне рады видеть вас в Китае, когда мост будет сдан в эксплуатацию. Тогда вы сможете лично убедиться, что всё сказанное мной сегодня — непреложный факт.

Клим в ответ лишь снисходительно покачал головой:

— Сильно сомневаюсь, что доживу до этого знаменательного дня, — сквозивший в его голосе сарказм был очевиден каждому.

Люй Фэн церемониться не стал и парировал без малейшего колебания:

— Что ж, если вы не уверены, что протянете еще четыре-пять лет, мне остается лишь искренне посочувствовать вашей столь короткой и скоротечной жизни.

Эта хлесткая реплика произвела среди журналистов эффект разорвавшейся бомбы. К черту

сухие расчеты и сопромат! Дерзкая словесная дуэль молодого китайского специалиста с мировой величиной — вот ради какого зрелища они здесь собрались!

Пальцы репортеров лихорадочно забарабанили по клавишам ноутбуков. Зафиксировав язвительный выпад Клим, ответ Люй Фэна они тут же раздули до скандальной сенсации, сочиняя кричащие заголовки: «Не доживете до окончания стройки? Значит, ваш век слишком короток!»

Стивен Лайент, наблюдавший за сценой из глубины зала, кожей чувствовал клокочущую ярость Клим и лихорадочное возбуждение прессы. Он негромко шепнул сидевшему рядом Инь Ицяо:

— А твой младший соученик в своем репертуаре. По-прежнему не лезет за словом в карман.

Инь Ицяо промолчал. Он лишь пристально смотрел на трибуну, изучая невозмутимое лицо Люй Фэна. Хладнокровно отбрав Клим, тот даже бровью не повел и как ни в чем не бывало продолжил вежливо и обстоятельно отвечать на вопросы других участников.

Люй Фэн определенно вырос. Прежний упрямый юноша, который костями бы лег, лишь бы переспорить высокомерного оппонента, теперь научился прятать когти за маской вежливого безразличия.

Инь Ицяо безошибочно улавливал эти тонкие перемены. Из его речи ушла былая горячность — глубокая внутренняя уверенность позволяла Люй Фэну больше не повышать голос.

Ему было достаточно спокойно оперировать цифрами, неторопливо объясняя:

— Угол поворота и продольный уклон моста Горы Чёрного Воробья прошли многократную проверку. Строительство будет вестись в строгом соответствии с регламентом, так что безопасность движения гарантирована. Водителям абсолютно ничего не угрожает.

Хотите верьте, хотите нет.

После завершения дискуссии журналисты покинули зал в полном восторге от обилия горячего материала. Инь Ицяо, прислушиваясь к обрывкам их разговоров, без труда представлял, какими эпитетами вечерние таблоиды наградят дерзкую пикировку молодого китайца с признанным мэтром.

Предчувствия его не обманули. Ближе к семи вечера социальные сети буквально взорвались. Моранис Клим опубликовал на своей официальной странице пространный манифест, где подробно раскритиковал китайский проект и перешел на прямые оскорбления в адрес Люй Фэна.

Его публикация разлетелась быстрее любых официальных новостей.

«Я категорически не понимаю смысла этого симпозиума, — вещал Клим. — Строительная культура в Китае находится на столь удручающем уровне, что там попросту нет объектов, заслуживающих внимания профессионального сообщества».

«Китайские проектировщики в очередной раз доказали свое умение пробивать дно. Решить построить мост на высоте трех тысяч метров в безлюдном высокогорье... Они там что, дорогу на небеса прокладывают?»

«У них нет ни единого шанса довести дело до конца. Но даже если они угробят колоссальные ресурсы и закончат эту глупость, очень скоро их детище превратится в очередные бетонные руины посреди диких скал!»

Будучи мировой величиной, Клим обладал огромной армией преданных фанатов. Под его гневной тирадой мгновенно выросла лавина сочувствующих комментариев:

— Я так и знал! Еще когда впервые увидел в прессе проект этой нелепой, извилистой эстакады, сразу понял — бред чистой воды!

— Вообще не понимаю, зачем наша ассоциация пригласила этих людей. Полюбоваться на безумные фантазии китайцев?

— Профессор Клим, золотые слова! Именно руины! Китай тратит безумные деньги на строительство технологического мусора, вместо того чтобы направить эти средства на помощь собственным беднякам!

Градус предвзятости рос с каждой минутой. К дискуссии подключились и некоторые участники дневного заседания, поспешив высказать свое скептическое мнение о мосте Горы Чёрного Воробья. Под жирный знак вопроса ставилось буквально всё: от концептуального дизайна и конструктивной сложности до вопросов энергоэффективности и экологической безопасности.

Им даже не приходилось усердствовать с аргументами — достаточно было выложить экстремальные географические параметры ущелья, чтобы широкая публика тут же сочла китайский проект безумием.

Инь Ицяо хмуро листал ленту. Даже те, кто втайне восхищался революционным дизайном моста Горы Чёрного Воробья, ни за что бы не признали его жизнеспособность до тех пор, пока конструкции не сойдутся над пропастью.

В мире архитектуры никогда не было дефицита в красивых бумажных фантазиях. И чтобы заставить этих пресыщенных британцев поверить в чудо, нужно было сперва воплотить его в бетоне и стали.

Инь Ицяо то и дело проверял телефон, но экран оставался чистым — ни звонка, ни сообщения в чате. Поняв, что инициативы от младшего соученика ждать бессмысленно, он со вздохом поднялся и вышел из номера.

Он дошел до комнаты Люй Фэна и постучал в дверь, но внутри царил тишина. Тогда он набрал его номер, гадая, чем так занят его младший соученик.

Трубку сняли быстро. Голос Люй Фэна звучал на удивление бодро — ни намека на злость или уныние:

— Я на смотровой площадке, люблюсь библиотекой.

Смотровая площадка замка-отеля была, пожалуй, лучшей точкой в Великобритании, откуда открывался вид на Публичную библиотеку Лита.

Чтобы вписать здание библиотеки в ландшафт озерного края, Инь Ицяо в свое время пришлось приложить колоссальные усилия. Он выбивал разрешения у чиновников, договаривался с хозяевами прибрежных земель и долго убеждал владельца этого замка-отеля, что будущая библиотека Лита превратится в главную достопримечательность округа и лишь подчеркнет изысканный статус его заведения.

И у него всё получилось. Он возвел этот уникальный, согревающий душу деревянный храм книг и дождался возвращения Люй Фэна.

Жаль только, что его дорогой младший соученик не выказал и малой доли того восторга, на который он так надеялся.

На ночной террасе горели лишь два неярких фонаря, разгонявших густой полумрак. Днем здесь было не протолкнуться, а сейчас в тишине угадывался лишь одинокий, стройный силуэт Люй Фэна. Лениво опершись на перила, он завороченно созерцал утопающую в темноте библиотеку Лита.

Ясная луна серебрила очертания здания, окутывая его призрачным ореолом. В этот час библиотека выглядела в точности так, как Люй Фэн когда-то набросал на первом эскизе, — словно опавший лист, тихо и естественно опустившийся на берег озера.

Инь Ицяо бесшумно приблизился и встал рядом, устремив взгляд на озаренное луной здание. Под порывами прохладного ночного ветра он не стал заводить разговор о ядовитых нападках в сети, решив спросить о том, что действительно тревожило его сердце.

— Ты не рад? — тихо спросил Инь Ицяо, и в его мягком голосе проскользнули тоскливые нотки.
— Тебе совсем не нравится то, что получилось?

— Очень нравится, — отозвался Люй Фэн, не сводя глаз с темнеющего вдали здания. Оно казалось искусным полотном, вплетенным в холмистый пейзаж и меняющим свой облик с каждым движением луны. — И я очень рад, — добавил он. — Публичная библиотека Лита дарит удивительное ощущение тепла. Тебе действительно удалось воссоздать ту тонкую гармонию человека и природы, о которой я грезил. Но...

Люй Фэн осекся и тихонько, как-то по-детски шмыгнул носом, а затем глуповато улыбнулся.

Инь Ицяо не мог устоять перед этим его обезоруживающим, немного нелепым выражением лица. Каждый раз, когда Люй Фэн так улыбался, сердце Инь Ицяо болезненно сжималось от нежности, готовое растаять без остатка.

— Но что? — мягко подтолкнул его Инь Ицяо, глядя на него с безграничным терпением.

Люй Фэн глубоко вдохнул прохладный воздух. Он прекрасно понимал, что его слова — вовсе не то, что старший соученик хотел бы услышать, но в то же время испытывал непреодолимую потребность поделиться тем, что таилось на самом дне его души.

Взгляд Инь Ицяо, как и прежде, дышал такой безграничной заботой, словно этот человек готов был принять и разделить любое его откровение.

Поэтому под этим теплым, обволакивающим взглядом Люй Фэн негромко заговорил:

— Но... мне очень хочется рассказать тебе одну историю. Историю, которую ты, старший соученик, наверняка никогда не слышал.

Инь Ицяо мягко усмехнулся:

— Неужели на свете есть истории, которых я не знаю?

— Есть, — серьезно кивнул Люй Фэн.

Инь Ицяо действительно прекрасно знал китайский фольклор. Будучи внуком великого Инь Чжили, он с малых лет впитывал традиционную культуру Китая. Вэньянь, классическое зодчество — когда Инь Ицяо рассуждал обо всем этом, от него исходило особое, благородное очарование. В свое время именно это пленило Люй Фэна, заставив поверить, будто в чужой стране он отыскал родную душу, понимающую его и его родину без лишних слов.

Люй Фэн перевел взгляд на раскинувшуюся внизу библиотеку. То, что сейчас, глубокой ночью, ее деревянные изгибы мягко мерцали в лунном свете, было заслугой Инь Ицяо, со всей страстью воплотившего его замысел. И все же старший соученик, который когда-то разделял его творческую философию до мельчайших нюансов, со временем перестал его понимать.

Они выросли в слишком разных мирах. И те истории, что формируют личность человека, наложили на них совершенно разные отпечатки.

— Эта история о военном корреспонденте, который попал на передовую, — негромко заговорил он. — В темном окопе он наткнулся на молодого солдата. Тот сидел в глухой ночи и при тусклом свете догорающей спички разглядывал потрёпанную книгу. Парень не умел читать — он просто смотрел на картинки.

Люй Фэн грустно улыбнулся, и в этой улыбке проскользнула тихая грусть современного человека, пытающегося осмыслить давно ушедшую эпоху.

— На картинке не было ничего особенного — просто ребенок, читающий книжку под яркой электрической люстрой.

Обычная бытовая сценка, ничего примечательного. Но Люй Фэн говорил об этом с таким трепетом, что Инь Ицяо невольно залюбовался его задумчивым лицом, на котором залегла легкая тень грусти. Он интуитивно почувствовал: за этой незамысловатой притчей кроется нечто жизненно важное.

— И тогда боец спросил журналиста: «Ты когда-нибудь видел электрическую лампочку?» — Люй Фэн продолжал вести нить рассказа. — Тот ответил, что нет. В те годы Китай был доведен до крайней нищеты. И пускай еще на исходе династии Цин в стране зажглись первые дуговые фонари, миллионы простых людей по всей стране даже не подозревали, что в мире существует лампа, вспыхивающая от одного щелчка выключателя. Большинство за всю свою жизнь так и не увидели этого яркого, ровного света.

Человек из темного сырого окопа завидовал нарисованному ребенку под электрической лампой.

Люй Фэн тихо улыбнулся, воскрешая в памяти образ того солдата, который, возможно, был лишь плодом чьего-то художественного вымысла.

— Он вздохнул и сказал: «Как же это прекрасно... Вот бы после нашей победы все дети могли учиться при таком ярком свете».

Инь Ицяо всегда идеализировал школьные хрестоматии. Подобные тексты, написанные для детей, обычно наделяли героев возвышенным, почти поэтическим идеализмом. Он мягко улыбнулся и спросил:

— Значит, его мечта сбылась? Китай окреп, и теперь у каждого ребенка на столе горит электрическая лампа.

— Да, мечта сбылась, — тихо подтвердил Люй Фэн. — Вот только сам он этого уже не застал. В

одну из темных военных ночей он сам превратился в яркий маяк, указавший путь остальным, — погиб незадолго до освобождения страны, в сорок седьмом. Ему оставалось подождать всего два года до великой победы, когда родится новый Китай и во весь голос заявит о себе миру.

Те суровые военные годы ушли безвозвратно и, казалось бы, не имели к ним двоим никакого отношения. Люй Фэн вырос в благополучном и богатом мегаполисе, и у него не было никаких причин держать в памяти старые фронтовые притчи.

Тем не менее Люй Фэн негромко добавил:

— Журналист из этого рассказа все же увидел электрические огни за погибшего солдата. А сам солдат отдал жизнь за то, чтобы у миллионов китайских детей было светлое будущее под этими лампами.

— Старший соученик, пускай это всего лишь короткий рассказ, возможно, полностью выдуманный писателем. Но на нашей земле действительно жили тысячи и тысячи таких людей, и память о них до сих пор течет в крови каждого китайца.

Простые лодочники реки Юэцзян, скромный сотрудник института У Хуа и неисчислимое множество безвестных героев — все они трудились и отдавали жизни без оглядки на славу и богатство, преданно служа своей родине. И всё ради одного — чтобы люди на этой земле наконец зажили счастливо.

— Как же это прекрасно...

Люй Фэн перевел взгляд вдаль. В этот миг ему показалось, что тот заветный свет, о котором грезил солдат в окопе, удивительно похож на идеальную библиотеку, которую они построили здесь.

— Я искренне рад, что это здание любят и ценят здесь, в Великобритании. Но... — Люй Фэн запнулся, и на его ресницах блеснула влага. — Если бы такую библиотеку удалось построить у нас, на родине, я бы, наверное, заплакал от счастья.

<http://bllate.org/book/20104/2003818>